

Глава V



Ты у меня одна

В нашем роду все были однолюбам. Отец так любил маму, что не смог без нее жить и покинул этот мир через год после ее смерти.

Я с юности с трепетом относился к тому, что когда-нибудь у меня будет любимая Женщина, семья, дети... Обязательно мальчик и девочка. И сегодня, вслед за Марком Бернесом, могу спеть: «...Есть любовь у меня. Жизнь, ты знаешь, что это такое!». Спасибо тебе, жизнь, что и я знаю это!

В свои 20 лет я был очень застенчив и осторожен в случайных знакомствах. Надо отдать должное друзьям, которые с пониманием относились к моей личной жизни и были очень деликатны в разговорах на тему: «Пора бы уже девушку завести и о будущей семье начать думать». Прошли годы, да что годы — десятилетия... Теперь мы уже не только мужья и отцы, но и дедушки.

У каждого из нас есть семья, близкие и родные люди. Семья — это обязанность супругов друг перед другом и перед детьми. «Половину» свою ты добровольно выбираешь сам. Ты сам впрягаешься в эту упряжку и тащишь ее по жизни, тебя ведь никто не принуждал!

В последнее время очень многие известные артисты вместо батюшки в церкви исповедуются перед зрителями: рассказывают о семейных скандалах, неурядицах. Чуть ли не радость получают, живо описывая то, что, в общем, лучше скрыть и не делать предметом всеобщего обсуждения. Я не могу уважать таких людей. Они сами разрушают свой имидж, авторитет у зрителей и, наверное, даже не понимают, что, несмотря на внешнее благополучие, выглядят просто жалкими. Видимо, этого и добиваются, раз плачутся и ждут, чтобы их пожалели.

Для меня семья — мои дети и моя жена, мой дом. Семья — это святое, близкие люди, с которыми ты делишь и боль, и радость. И это главное направление твоей жизни в пространстве, именуемом Земля, — ты всегда должен стремиться домой, в семью. Это мое кредо, и я никогда не отступал от него. Я не великий моралист, но уверен: если ты совершаешь что-то не для всеобщего обозрения, то ни семья, ни ты сам, ни твоя жена страдать от этого не должны. Как избежать этих страданий, должен решать каждый по-своему.

Идея познакомить меня с артисткой балетного ансамбля Московского «Мюзик-холла» втемяшилась в голову моему другу Алику Тартаковскому не случайно. Он одно время работал в этом коллективе и утверждал, что именно там самые красивые девушки страны, которых отбирают по очень «жесткому» конкурсу.

Конечно, я хотел познакомиться с такой девушкой. Но эти мои «хотения» скорее были из области фантазии и мечты. Я же понимал, что в «Мюзик-холле», на концерты которого попасть было просто невозможно, работают девушки, привыкшие к роскоши, успеху, вниманию прессы и обожанию мужчин. Тем более, что Московский «Мюзик-холл» гастролировал с ошеломляющим успехом по всему земному шару. Когда Алик рисовал мне перспективы знакомства с балериной «Мюзик-холла», я, понимая нереальность такого альянса, неуверенно что-то бубнил

ему в ответ... Не то чтобы категорически отказывался, но соглашался неактивно.

Я никогда не грешил демонстрацией завышенных оценок своей персоны, а тогда мне и хвастаться-то было нечем. Кем я являлся на тот момент — застенчивым молодым человеком из провинции, прибывшим в Москву со своим единственным богатством — контрабасом. Чем мне было удивлять и покорять красавицу, с триумфом объехавшую мир? Сама судьба, видимо, не благословляла меня на этот подвиг: как тогда ни старался Алик Тартаковский, а все никак не получалось познакомить меня с девушкой — то наше трио где-то носило, а когда мы оказывались в Москве, «Мюзик-холл» улетал на гастроли.

Но все-таки это произошло 5 января 1965 года. И как раз тогда, когда мы откуда-то вернулись и сразу начали собираться с концертной бригадой за рубеж, на гастроли, организованные по линии Госконцерта и Министерства культуры СССР. Ранним утром мы должны были вылететь из Шереметьева во Вьетнам и Китай. А 5 января в Доме культуры «Трудовые резервы» мы выступали в концерте известной певицы Марии Лукач и ее мужа, композитора Владимира Рубашевского, который тогда являлся главным дирижером «Мюзик-холла».

И вот приходим мы на это выступление, и я узнаю, что балетный коллектив «Мюзик-холла» только что прилетел из Парижа. Я захожу в гримерку, а там сидят и пьют чай Маша Лукач и Люся, так звали девушку из ансамбля «Радуга», которая мне очень понравилась. Маша, конечно, нас тут же познакомила, и я поинтересовался у Люси, будет ли она на концерте? Мне очень хотелось, чтобы она осталась, но та сказала: «Нет, я рядом живу и пойду домой, после перелета очень устала». Я стал уговаривать ее: «Оставайтесь, пожалуйста, я вас потом провожу». «Куда? — удивилась Люся. — Я же рядом живу, в соседнем доме». «Тем более», — промямлил я.

Мне очень не хотелось, чтобы она уходила. Как же я обрадовался, когда после концерта увидел Люсю. Я был так благодарен ей, что она осталась, и что у меня появилась воз-

Мой адрес - не дом и не улица...



Люся и Юра. 1966 год



Юрий Маликов в составе инструментального трио. 1966 год

Юрий Мамин



возможность видеть ее и говорить с ней... тем более, что впереди высветилась перспектива проводить девушку домой.

Правда, после выступления я увидел ее в коридоре с каким-то жонглером и, естественно, сразу скис. Они так оживленно разговаривали, что я подумал: идиот, такая красивая девушка имеет кучу поклонников. Куда ты лезешь?

Но я полез, уж очень она мне понравилась. Не мог я не использовать тот единственный шанс, что мне давала судьба. Внутри у меня от волнения все «скукожилось», но я смело подошел к Люсе и спросил: «Можно я вас провожу?». Жонглер сразу куда-то испарился, а она посмотрела своими чистыми глазами, я даже не представлял, что у человека могут быть такие красивые глаза, и говорит: «Если вы так настаиваете... пойдете». И двинулась к выходу.

Я заметался, собираясь, и тут до меня дошло: дурак, я совсем забыл, что машины у меня нет, зато есть контрабас и ударная установка Миши Ковалевского. Трудно представить, как бы я выглядел, провожая Люсю в обнимку с контрабасом! Но тут опять на помощь пришел Алик Тартаковский, взявший на себя труд загрузить в такси мой нелегкий



Люся в балетном ансамбле. 1973 год

и дорогой груз. А я пошел провожать Люсю. Поздний вечер, мороз почти 30 градусов. Она в легкой шубке и элегантных ботиночках. Выглядела она так, будто сошла с обложки иностранного журнала — дама из Парижа! Провожать было недалеко, в соседний дом. Но 30 градусов — не шутка, моя спутница замерзла и торопилась домой. А я никак не мог ее отпустить! «Вы идите, оденьтесь потеплее и выходите, мы еще погуляем, — сказал я и подумал: «Надо бы еще глупее чего сморозить, но ведь некуда. Конечно, она сейчас уйдет!». Но Люся вдруг согласилась и ушла утепляться, а я остался ждать ее на морозе. Пальтишко на мне было, как говорится, на рыбьем меху, и, чтобы не дать дуба, я те 20 минут, что она отсутствовала, топтался на снегу и «вытоптал» имя Люся, хотя снега было много, почти мне до пояса. Так что я изрядно потрудился. Конечно, такое желание угодить даме не могло остаться незамеченным, и она милостиво согласилась погулять со мной еще полчаса, за которые я превратился в настоящего снежного человека. Но того, что я окоченел, конечно, Люсе не показал, и вел себя, как истинный джентльмен. Гуляли мы минут пятнадцать, а когда она направилась к дому, я сказал: «Можно я до лифта вас провожу?» — очень мне не хотелось с ней расставаться! «Лифта у нас нет, и завтра утром мы улетаем», — сообщила она. «Какое совпадение, мы тоже, — с гордостью проинформировал ее я. — Как только прилетим в Москву, я приду к вам на репетицию».

Наши гастроли продолжались три недели. Когда мы вернулись, «Мюзик-холл» еще был в поездке по городам и весям Украины. Потом я сильно заболел, и как раз в это время Люся прилетела в Москву. Мы не настолько близко были знакомы, чтобы я пригласил ее посидеть у койки заболевшего поклонника. И встреча опять не состоялась.

Увиделись мы с Люсей снова только через три месяца, в апреле 1965 года. Тогда я и признался ей, что влюблен «по уши». А у нее, надо сказать, было очень спокойное ко мне отношение, она даже никаких ответных слов после моего признания не произнесла. Я очень расстроился... В голове была только одна мысль: как мне жить без нее? А ей-то я совсем не нужен... А Люся, как бы почувствовав мое состоя-



Дворец бракосочетания. 1966 год

ние, ласково улыбнулась и вдруг дала мне свой телефон и сказала, что будет рада, если я приду к ней на репетицию.

Это была надежда! И я почувствовал, как жизнь возвращается, а с ней вместе и вера в то, что Люся будет со мной.

Вернувшись с гастролей, я приехал, вернее, прилетел на крыльях любви туда, где она репетировала, с букетом цветов и первым подарком — это было очень красивое кольцо с бирюзой. Я привез его из Китая, потратив на него все свои деньги и чувствуя себя необычайно счастливым, потому что это кольцо покупал для нее.

Она очень милостиво приняла подарок, видимо, к этому времени я уже перестал ей быть безразличен, но о любви с ее стороны пока речи не шло. Я понимал, что Люсе для этого не хватает информации обо мне, ей не хватает самого меня, и она, человек сдержанный и думающий (эти ее качества я уже тогда оценил) не могла довериться душой и сердцем человеку, которого еще очень мало знала. А чтобы узнать



Люся во Дворце бракосочетания. 1966 год, 9 октября

Мой адрес - не дом и не улица...



Дворец бракосочетания. 1966 год, 9 октября

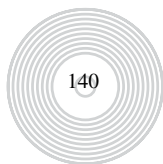
друг друга лучше, у нас просто не было времени. У нее утром обязательно танцкласс, репетиции, вечером спектакли. Бесконечные гастроли по нашей стране, зарубежные поездки... То они улетают в Канаду, то во Францию, то в Швейцарию. Я даже не помню всех стран, где в то время побывал Московский «Мюзик-холл».

Я тоже все время был занят и тоже много ездил. Но, где бы я ни был, все время думал о ней, никакой другой женщины рядом с собой и представить не мог и не хотел. Она была моей мечтой, и это романтическое отношение к Люсе как к мечте и тогда, и все последующие годы помогало мне жить, творить и дарило душе чувство полета.

Потом, когда мы уже стали близкими людьми, Люся поделилась со мной своими переживаниями того времени. Ко мне она сразу почувствовала симпатию, но не более. Рядом с ней на сцене творили такие «короли», как Магомаев, Гуляев, Сличенко... Казалось, только такой мужчина-звезда может сделать женщину счастливой. Жизнь вокруг сверкала, звучала, гремела — Париж, аплодисменты, банкеты, приемы... И среди этой круговерти ей все чаще вспоминался я, хотя она тогда еще не сделала в отношении меня определенных выводов.

А я-то не представлял себя на земле без нее. Но, как выстроить совместную жизнь, я при всей моей влюбленности в Люсю не знал. Даже не представлял, что надо сделать, чтобы мы могли быть вместе. Знал, что ей надо работать, репетировать, танцевать, ездить на гастроли, которые могут продолжаться полгода. Но не мог себе представить, что она будет где-то далеко, и я очень долго ее не буду видеть. В то же время я понимал, что не смогу заставить ее стирать, гладить, варить борщ и сидеть дома. Она не для того пришла в этот мир и овладела одной из самых сложных и прекрасных профессий — искусством танца.

Как мне было тяжело! Мы продолжали встречаться, изредка ходили в кино, кафе-мороженое, пытались узнать друг друга. Как раз в это время я стал заниматься в консерватории, а это шесть часов в день, а иногда репетиции продолжались до 12 часов ночи. И в этот период Люся вдруг стала приезжать ко мне на репетиции и слушать, как я играю.



А потом я ее провожал, и это было замечательно: я держал Люсю за руку, слушал ее голос и мечтал, что когда-нибудь мне не надо будет возвращаться в свою комнатку со столом и жутко неудобным диваном, с которого я все время скатывался... Да и что говорить — у меня даже табуретки, не говоря о стуле, не было. Но зато была мечта, и я ждал, когда мы с Люсей вместе создадим свой дом. Так я мечтал целый год, а 9 октября 1966 года мы расписались и стали мужем и женой.

Люся жить в моей комнатке не согласилась, и мы переехали на Дербеневскую, где у ее отца Александра Васильевича была 18-метровая комната. Он был очень добрым и толерантным человеком. С Люсиной мамой они развелись, но дочь свою Александр Васильевич очень любил и уделял ей много внимания. В его комнате с телевизором и уютным диванчиком и началась наша совместная жизнь. Чтобы дать нам возможность побыть вдвоем, он нередко собирался и уходил гулять.



Дима Маликов. 1973 год



С детьми Димой и Инной. 1980 год

Это был необычайно светлый и счастливый период моей жизни! Как я благодарен судьбе за доброту и душевную щедрость людей, встречи с которыми она дарила мне в самые трудные переломные моменты моей жизни. Жених я был, конечно, незавидный. Бесквартирный, богатства никакого я в дом принести не мог... Зато у меня была машина — по тем временам огромная роскошь.

Я почему-то перед женитьбой решил, что привезти в ЗАГС невесту должен на собственной машине. Даже вспоминать страшно, какими ухищрениями мне удалось осуществить свой план. Но, главное, я достиг цели и со свадьбы вез любимую на своей машине. На нашем торжестве я немного выпил, замечательно себя чувствовал и, конечно же, по дороге домой меня остановили гаишники. Но и тут мне повезло: подержав в руках свидетельство о браке и посмотрев на мою молодую жену, они расчувствовались, и от Дома журналистов до «Павелецкой» нас сопровождал почетный



Семья. 1980 год

эскорт, а на прощание сотрудники ГАИ сказали нам добрые слова и теплые пожелания.

В комнате Люсиного отца мы прожили три года. Он по-прежнему уходил гулять... и еще готовил потрясающие котлеты и очень вкусную жареную картошку. Никогда и ничего, что могло бы обидеть или огорчить кого-нибудь, в этой комнате не звучало и не происходило. Говорю же: невероятно везло на хороших людей! Судьба, ты меня слышишь? Спасибо тебе!

Потом мы купили квартиру в доме композиторов на Преображенке, где первые свои шаги делали наши дети. Все, кажется, хорошо складывалось, но жизнь продолжала испытывать меня на прочность, а вместе со мной доставалось и Люсе.

Когда родился Дима, у меня вдруг появилась перспектива 8 месяцев поработать в Японии, на той самой выставке «Экспо-70», о которой я уже рассказывал. Дима совсем крохотный, Люся от него не отходит... Она в тот период очень много пережила: во-первых, уход из балета стал для нее настоящей



Дима и Инна с любимым дедушкой Александром Васильевичем. 1979 год

трагедией, во-вторых, я в это сложное время вынужден был оставить ее и малыша на долгий срок. Бесконечно благодарен ей, что она с великим терпением пережила это событие, которое, кстати, резко повернуло всю нашу жизнь и открыло перед нами перспективы, о которых мы и не мечтали.

Скажи она тогда — нет! — и зарыдай, прижимая к груди младенца, я бы точно никуда не поехал, и не было бы тогда никаких «Самоцветов», стартующих из их рядов «звезд», не было бы и в моей душе такого великого чувства благодарности за понимание и помощь. Не было бы взлета... А сейчас я смело могу сказать: это она, Люся, дала старт очень многим моим творческим деяниям. И я, конечно же, благодарен ей за это.

Пожалуй, только сейчас, после долгой совместной жизни я, войдя в возраст мудрости, могу понять, как же ей было трудно провожать меня за рубеж в гастрольную поездку и встречать с пятнадцатью ящиками аппаратуры. Она-то



Инна с бабушкой Валентиной Феоктистовной. 2002 год

привыкла привозить из-за границы красивые вещи, драгоценности. А я, получив по тем временам огромные деньги — 2000 долларов (по сегодняшним меркам — почти 200 тыс. долларов) приволок оборудование для будущего ансамбля.

О планах создания своего коллектива я ей ничего не рассказывал. Не хотелось ее волновать. Она и так достаточно пережила, встречая меня в аэропорту с ящиками, набитыми «железками». Конечно, долго скрывать от нее свои творческие замыслы я не мог. Как можно скрыть крик, шум, музыку, вибрацию, нервную суету и людей с гитарами? Это все равно что, показывая на кипящий чайник, сказать: попейте холодной воды. Люся тогда нерничала и все время повторяла: «Зачем тебе это нужно? У тебя есть сын, есть я? Зачем ты все это придумал?». А я не мог уже остановиться...

Если честно, то ни о карьере, ни о славе, ни о завоевании каких-то позиций на эстраде, а уж тем более о заработках я не

думал. Просто мечтал о своем ансамбле, видел его и «слышал» уже тогда песни, которые потом были написаны... Я обрел единомышленников, и они верили мне, своему вожаку. И Люся почувствовала это, поняла, что остановить меня невозможно. Я был как скорый поезд, который мчался с невероятной силой. Конечно, можно было этот «поезд» заставить сойти с рельсов, но тогда произошла бы трагедия с жертвами.

Иногда я думаю, что, отдав всего себя делу, которое приобрело общественно-государственное творческое значение, я как человек, может быть, что-то потерял.

То время было спрессовано до предела: предложения, встречи, просмотры, репетиции, по 3–4 концерта в день, перелеты, переезды... Как меня только из дома не выгнали? Я посвятил себя ансамблю целиком. Я жил им, это была вторая осуществленная мечта — мое дело, а первой продолжала оставаться жена, семья.

В 1974 году я организовал при ВИА балетный ансамбль. С января 75-го года и по сей день Люся работает рядом со мной. Маленького Димочку воспитывала бабушка, мама Люси, Валентина Феоктистовна. Надо сказать, что с тещей мне сильно повезло: она взвалила на себя все наши хозяйственные и бытовые проблемы, которые решала по-деловому и по-доброму. Никогда не забуду, что помимо забот о нашем быте она взвалила на себя и заботу о детях. И Димочку, и Инну растила Валентина Феоктистовна, и за то, что они выросли такими добрыми и достойными людьми, мы с Люсей во многом обязаны ее маме. Она и Люсю воспитала как человека эмоционально сдержанного и умеющего уважать чужое мнение.

Когда Люся стала работать в «Самоцветах», она никогда на людях не давала мне советов, не претендовала ни на какие привилегии и никогда, повторяю, никогда, не вмешивалась ни в творческий, ни в хозяйственный процесс. Честно говоря, я с самого начала нашего семейного союза очень хотел, чтобы жена работала со мной в одном коллективе, но получилось это не сразу.

Благодаря помощи Валентины Феоктистовны, в творческой деятельности у моей жены перерыва не было, а для

танцовщицы это значит очень много. Волей-неволей, сидя дома и ухаживая за малышом, потеряешь форму. Люся не хотела уходить со сцены и, обсудив ситуацию, мы нашли самое правильное решение, которое с помощью бабушки, то есть моей тещи, осуществили. Спасибо ей за великую помощь. За долгие годы совместной жизни мы с Люсей пришли к мирному и обоим нас устраивающему разрешению возникших вопросов. Конечно, и у нас бывают свои проблемы на разных жизненных этапах, но мы как-то с самого начала стремились во всех ситуациях понять друг друга и обязательно внимательно выслушать.

Люся всегда была для меня верной поддержкой, надежным другом и «валокордином». Я не шучу. Иногда в накал рабочих страстей я еле доволакивался до дома, бывало, срывался... Она успокаивала меня и лечила мои душевные раны. Сейчас я понимаю, что очень во многом по жизни был и не прав, и слишком категоричен. Если бы не моя терпеливая семья, на которую я слишком много взваливал своих неприятностей, если бы не доброта и любовь моих близких, все было бы во много раз тяжелее и больнее.

Не утверждаю, что мои близкие были уж очень счастливы оттого, что я чего-то добился. Скорее, эти радостные моменты соседствовали с достаточно ощутимым негативным оттенком.

Люся владеет даром быть всем нам нужной, учитывая взросление детей и увеличение нашей семьи. Я заметил, что груз ответственности и тяготы наших проблем в первую очередь концентрируются в диапазоне ее жизненного пространства. Я рассказываю ей о своих деловых соображениях, Инна и Дима делятся своими заботами, уверенные в том, что именно она найдет выход из любой ситуации, сможет разрешить любую проблему.

Конечно, иногда ей бывает тяжело, ведь вместе с радостями мы делимся с ней и нашей болью. А чтобы пережить боль близких, нужны силы, а сил иногда не хватает. Вот почему я сейчас стараюсь уберечь ее от нашего «благоприобретенного» негатива. И Дима, и Инна разделяют мою позицию. А проблемы мы решаем сообща — ведь мы всегда

вместе: Люся сейчас работает менеджером Дмитрия Маликова. Я считаю, Диме повезло: Людмила Михайловна — не только специалист, знающий эстрадное дело, но и человек, с которым приятно общаться и работать. Она всегда уважительно относится к людям — и к тем, с кем связана по роду своей деятельности, и к близким.

Это не значит, что мы с ней никогда не ссоримся. Ругаемся, и даже можем по несколько часов не разговаривать друг с другом. Но это все не серьезно — ни она, ни я никогда не стремимся обидеть или унижить друг друга: молчим-молчим, и вдруг кто-то говорит первое слово. Как радостно другой торопится сказать второе! Вот и все. Мы снова в мире, и нам есть, что сказать друг другу. Да и молчать нам вместе тоже несложно — мы же знаем, кто о чем молчит. О чем она молчит — пусть сама скажет, а я молчу о том, что:

*«Нет у гругой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами, дальними странами...
Ты у меня одна!»*

Глава VI



*Это чудо
великое - дети*

Мы с Люсей поженились, когда ей было 21, а мне 23 года. Через четыре года у нас родился сын Дима, а еще через семь лет дочка Инночка. Я всегда хотел мальчика и девочку. Кто будет первым, значения не имело, но, конечно, я, как многие мужчины, мечтал о сыне-первенце. Тогда не было ультразвука, и никто из парней не помышлял о том, что можно присутствовать при родах своего ребенка. Появление малыша причислялось к чудесной тайне. Кстати, я за то, чтобы эта тайна сохранялась. Люся сделала мне сказочный подарок — в 26 с небольшим я стал отцом.

Мама ее тут же оформила пенсию и стала жить с нами. Человеком она была добрым и всепонимающим. Ее помощь помогла нам и сохраниться в профессии, и нормально воспитать сначала Диму, а потом Инну.

Мы тогда очень много ездили по стране и дома были редкими гостями. В те наезды, когда появлялось «окно» в гострольных турах, мне доверялись прогулки с сыном. Помню однажды зимой — мы тогда жили на Преображенке — я усадил Диму в санки и увлеченно начал его катать, свозил с горки, бегал... и укатал сына до того, что он у меня выва-

лился в сугроб, а я какое-то время еще изображал из себя «птицу-тройку». Когда же я обнаружил, что Димы в санках нет, я чуть с ума не сошел. Конечно, я его нашел, и даже рассказал о том, что случилось. Как реагировали Люся с мамой, даже вспоминать не хочу. После этого случая ни Диму, ни Инну мне не доверяли.

С детьми гулял исключительно Александр Васильевич — Люсин отчим. Он очень ответственно относился к этой процедуре и просто наслаждался ею. Александр Васильевич отлично знал все окрестности, он обожал ходить с детьми в парк, на детскую площадку. У него было очень много знакомых среди бабушек и дедушек нашего района. И еще он был народным умельцем, про таких говорят «золотые руки»: резал по дереву и научил своему мастерству детей. Один раз он даже поехал с Димой в пионерский лагерь и вел там кружок по выпиливанию, Дима там тоже занимался.

Дети очень любили Александра Васильевича и Валентину Феоктистовну. Сейчас их уже нет с нами, но Господь даровал им долгую и счастливую жизнь. И мы вспоминаем их самыми добрыми словами. Моим детям повезло: их с детства окружали светлые и щедрые на любовь люди.

Мои дети — музыканты. Я не могу сказать, что нянчил сына или дочку, мечтая об их актерских успехах. Так получилось. Они сами выбрали себе профессию. Живя в мире музыки, песни, с малых лет относясь к роялю как к предмету первой необходимости, а к нотам как к обязательному букварю, они и не могли быть другими. Дима, правда, иногда в детстве пытался подменить занятия музыкой футболом и хоккеем. Мы жили тогда на первом этаже, и для Димы вылезти во двор не представляло никакого труда. Он буквально упивался гулянием на улице и под любым предлогом убегал из дома. Но Дима очень рано начал выступать и как-то по-взрослому чувствовать ответственность за свой профессиональный уровень, это очень его мобилизовало на «трудовые подвиги». Я-то думал, что мой сын станет пианистом, а он стал не только пианистом, но еще и композитором и певцом. И все его деяния вырастают на очень крепкой профессиональной основе, а это требует великой отдачи и особого рабочего ритма.



Юрий Маликов с детьми и племянниками
в музее усадьбе «Абрамцево». 1980 год



Дима Маликова

Мой адрес - не дом и не улица...



Инна Маликова в музыкальной школе



Инна Маликова. Первое общение с музыкой
ВИА «Самоцветы», 1980 год

Мой адрес - не дом и не улица...



Дима с бабушкой



Семья на юбилее Дмитрия Маликова. 2000 год

Я доволен его успехами. Иногда мы участвуем в одних концертах, и каждый раз, стоя за кулисами и наблюдая, как работает Дима и как восторженно его принимают зрители, я испытываю чувство гордости.

Если Диму у привлек к занятиям музыкой с пяти лет, то Инночка сама потянулась к музыке с первого класса. Она уже в раннем возрасте проявила стойкий характер и удивительную целенаправленность в достижении избранной цели. Дочь окончила музыкальную школу и Российскую Театральную академию. Кстати, она училась на курсе Бориса Сергеевича Брунова, и он предрекал ей интересную актерскую судьбу. К сожалению, Борис Сергеевич умер, когда Инна была еще студенткой. Она продолжила занятия в классе у Олега Марусева и оказалась очень самостоятельным человеком и крепким профессионалом, мне это нравится.

Меня иногда спрашивают: как вы пережили, что сын, которому прочили славу классического музыканта, ушел в шоу-бизнес? Считаю, что это решение он принял обдуманно, взвешенно, а не в порыве эмоций. Дима окончил консерваторию с красным дипломом, и, если бы я на него «нажал», он мог поступить в аспирантуру и в дальнейшем совершенствовать классическую направленность в своем творчестве. Но это привело бы к полному отказу от того, чего он уже добился и что стало для него главным в творчестве. Он сам выбрал свой путь в искусстве, и ему удалось очень достойно совместить работу в шоу-бизнесе с занятиями серьезной музыкой. Я доволен и горд своим сыном.

О детях могу говорить часами и считаю, что рассказ о них по праву присутствует на страницах моей книги.

Дима в 18 лет стал популярным исполнителем, а его песни — известными. У него были толпы поклонниц. Надо сказать, что и в сфере личных отношений он всегда себя очень достойно вел, никаких огорчающих нас с Люсей историй за Димой не водилось. В детстве сын был очень влюбчивым: в деревне на даче он пережил самую первую младенческую любовь: ее звали Влада. Потом в детском саду он страдал

Мой адрес - не дом и не улица...



Люся с маленьким Димочкой

из-за Тани, девочки, которая очень напоминала малышку на шоколадке «Аленка». У Димы всегда был очень хороший вкус. Мы с Люсей с пониманием относились к его сердечным переживаниям, и тогда мы ему очень посочувствовали, потому что девочка Таня предпочла другого мальчика, и Дима с ним подрался (он тогда еще ничего не знал о дуэлях). Позднее мы Диму из этого детского садика забрали, но все, что с ним там произошло, уже характеризовало его как настоящего мужчину.

Потом наш сын вырос, встретил свою единственную и настоящую любовь и создал семью. У них с Леной подрастает дочка — моя внучка — красавица Стефания. У Димы это первый ребенок, а еще от первого брака у Лены есть очаровательная дочка Оля. Она уже взрослая девочка. Я недавно видел ее портрет в фотосессии самых завидных невест Москвы, и от души порадовался за нее. Дай ей Бог счастья и удачи! Оля очень умная девочка, окончила МГИМО, знает 4 языка. Она хорошо воспитанный и светлый человек. Дима относится к ней с глубоким уважением, у них прекрасные отношения.

А моя внучка Стеша, не сомневаюсь, будет знаменитым художником, она прекрасно рисует, и я с гордостью украшаю ее пейзажами стены своего офиса. И Димины дочка, и Инночкин сын, его зовут тоже Дима, — дети очень музыкальные. На юбилейном концерте Димы внуки выступили отдельным номером: сев за рояль, они спели дуэтом. Это было трогательно и замечательно!

Дима — человек очень рациональный. Он всегда ставит цель и стремится к ней. Он очень требователен к себе, бывает резок в оценках, но никогда не позволит себе кого-нибудь унижить или оскорбить. Я думаю, что на его характер и поведение оказывает влияние то, что Дима человек верующий. Причем, истинно верующий. Он ходит в церковь, общается с духовенством, соблюдает посты.

Сын принимал активное участие в строительстве Храма Христа Спасителя. Мне приятно, что на специальной табличке среди других соиздателей Храма есть и имя Димы. Он очень активно занимается благотворительной



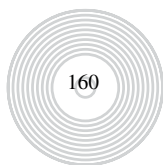
Юрий и Инна Маликовы. 2005 год



Инна Маликова и Алексей Панин
(сцена из спектакля «Развод по-московски»). 2006 год

деятельностью. Его не испортил шоу-бизнес, от негатива которого он защищен Божьей волей. Дима — ЛИЧНОСТЬ в этой жизни, и я верю, что он еще много доброго и хорошего сделает на земле.

Инна очень похожа на брата — серьезным отношением к творчеству, к людям. Она тоже, активно отдавая себя творчеству, занимается благотворительной деятельностью, и меня бесконечно радует, что мои дети — добрые, умные, талантливые люди, умеющие сострадать и помогать ближним.



Глава VII



Леонид Утесов, Юрий Силантьев, Михаил Пляцковский,
Марк Фрадкин и Юрий Маликов. 1974 год

*Что посеешь,
то и пожнешь*

Рассказывая о жизни ансамбля и своей работе, я стремился не только передать эйфорию творческих свершений, но и тревогу, боль, поиски и огромную душевную отдачу тех, кто завоевывал авторитет «Самоцветов», уважение и интерес зрительской аудитории. Далеко не все моменты моей жизни связаны с глобальными свершениями: «Малые дела действительно малы, но делать их добросовестно — это большое дело». Это слова святого Августина.

Итак, о чем бы я еще хотел поведать? Говорить о «Самоцветах» можно долго. Мы — долгожители на эстраде, но я прекрасно понимаю, что возрастной рубеж в поп-музыке существует, и мировой опыт это подтверждает. Но бывает по-разному. Помню, в 1986 году, незадолго до ухода из жизни Л.О. Утесова, я принимал участие в концертной программе, которая стала последней для великого артиста. В тот вечер на сцену Колонного зала Дома союзов выходили Л. Лещенко, В. Толкунова, «Самоцветы» и другие артисты. Наконец на нее вышел Леонид Утесов. Прозвучало его про-никновенное:

*«Что сказать вам москвичи, на прощанье,
Чем наградить вас за ваше вниманье?...»*

В едином порыве зал встал, и зрительские аплодисменты были такими дружными и громкими, что, по-моему, их слышала вся Москва. Растроганный Леонид Осипович только кланялся и протягивал в зал руки, вбирая в свои ладони все тепло и любовь людей, которым долгие годы дарил радость. Между тем, выпавших на его долю непонимания, обид и унижений, ранивших его душу, хватило бы на десятерых. Я подумал тогда: как хорошо, что он хоть в зрелые годы получил признание и высокие награды страны. Утесов всем был интересен, отношение зрителей к мастерству артиста не лимитировалось его возрастом.

Кстати, Фрэнк Синатра тоже пел до последнего дня. В 100 лет ушла из жизни Изабелла Даниловна Юрьева. Конечно, в последнее время она не давала концертов, но с удовольствием принимала участие в мероприятиях, проводимых на сцене Государственного театра Эстрады и на сцене концертного зала «Россия», где и отмечался ее столетний юбилей. И когда она выходила на сцену, да еще исполняла хоть несколько музыкальных фраз, зритель впадал в экстаз. Она была желанна и интересна людям.

А не так давно свое 70-летие справил И.Д. Кобзон, уникальный певец с мощным и красивым голосом, способным передать все нюансы человеческой души. Его голос звучит так же завораживающе, как в молодости, и он по праву остается лидером нашей эстрады. Достоинство, талант, одержимость в творчестве и человеческое обаяние — вот что определяет масштаб его личности.

Мы, «Самоцветы», между прочим, на эстраде — не самые «взрослые». «Орэра», например, уже за сорок, и что? Сегодняшние зрители любят и почитают «Орэра», как когда-то любили этот ансамбль их родители.

Но это все избранные — лучшие, а ведь на эстраде много, очень много других. Я считаю, что в вопросе возрастного рубежа у каждого артиста должно срабатывать

собственное чувство такта и понимания реальности. Уйти вовремя со сцены требует большого мужества и не каждому дано.

Мне часто приходилось отвечать на вопрос: «Кто придумал словечко «ВИА»? ВИА придумала сама жизнь: это когда каждый играет и поет. Вокально-инструментальный ансамбль очень близок эстрадно-театрализованному представлению, это команда, где все и все делают вместе. У нас, как в театре, труппа, внутри которой у каждого свое амплуа, но действие на сцене мы создаем вместе. Я уже говорил об этом, но так как для меня это очень важно, повторю еще раз. «Машина времени» называется группой, но для всех это Андрей Макаревич, «Аквариум» — это Борис Гребенщиков, а группа «Куин» — Фредди Меркьюри. Кто бы спорил?

Ансамбль «Самоцветы» — это мушкетеры с их девизом «Один за всех, и все за одного». Актуальная и сегодня идея «все играют и поют» родилась у меня в молодости. Оглядываясь назад, я с уважением к самому себе вижу, как много успел сделать, крутятся и выживая в обстоятельствах, подчас невероятно сложных. Я играл на танцах и в клубах, учился в консерватории, ездил на гастроли. И еще — это очень знаменательный факт моей биографии — всюду таскал на «горбу» свой обожаемый контрабас. Наконец мне это надоело, и я, еще будучи студентом, поднатужился и купил машину. В те времена это была величайшая проблема, и даже сейчас не хочу вспоминать, как мне это удалось. Есть у меня несколько таких жизненно важных свершений. О победах этих мне вспоминать нравится, но о путях к ним — не очень. Хотя лично я ничего дурного не делал, просто проходил миллион терзаний и финансовых трат, «узаконенных» вышестоящими чиновниками.

Но вернемся к разговору о творчестве. Перед контрабасом я виноват — изменил ему, создав ВИА, поменял на бас-гитару. В оправдание могу сказать: сделал это в интересах дела. Кстати, в интересах дела доводилось мне и петь в наших программах, но я всегда трезво оценивал свои вокаль-

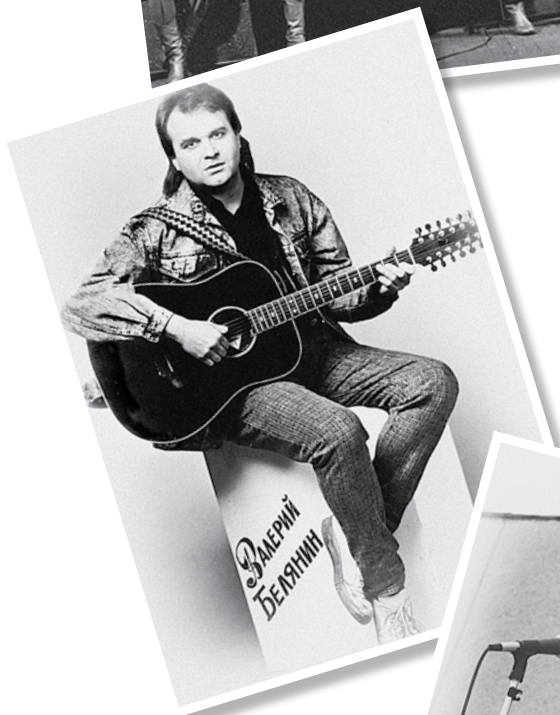
ные данные. Они даже не скромные — их нет, я просто подпевал на общем бэк-вокале. Но чтобы стать к микрофону как главный исполнитель — это увольте. Конечно, возможностей «попеть» в свое удовольствие у меня было много, но как честный человек, уважая зрителей и своих коллег по ансамблю, я этим никогда не пользовался.

Сегодня «Самоцветы» выступают в разных концертных программах: соблюдая традиции ВИА, Ирина Шачнева (первая солистка ансамбля) с друзьями исполняет в оригинальных аранжировках исконные песни «Самоце-



Ирина Шачнева. 1974 год

Юрий Маликов



Мой адрес - не дом и не улица...



Александр Нефедов, Елена Преснякова, Олег Слепцов, Евгений Пахомов.
1987 год

тов». Елена Преснякова с Олегом Слещовым, Александром Нефедовым и Георгием Власенко составляют основу группы «Самоцветы» — яркое музыкальное шоу в современных ритмах. А моя дочь Инна с молодыми ребятами сохраняет все лучшее «самоцветовское» в сочетании с современной подачей популярной музыки. Все артисты ансамбля «Самоцветы» для меня, как их создателя, одинаково дороги и важны. Сегодня я переформулировал свое вокально-инструментальное движение в Творческий центр «Самоцветы».

В настоящее время все наши артисты сами участвуют в творческо-административном процессе, принимают участие в съемках, записях на радио, концертах.

В репертуаре у нас в основном знакомые песни, но исполнение и аранжировка у каждого своя. Когда-то ансамбль выработал свою ни на кого не похожую манеру художественного музыкального проживания на сцене. Эта традиция и сегодня остается обязательной для каждого из нас.

Для группы «Самоцветы» Владимир Петрович Пресняков написал очень хорошие новые песни, и мы выпустили альбом «Мы стали другими». Но, как правило, зрители на наших концертах настроены не на новые песни, они требуют исполнения старых хитов, которые досконально знают и поют с невероятной отдачей вместе с нами.

Но это не значит, что мы полностью отменяем возможность обновления репертуара. Просто сегодня с созданием новых песен существуют определенные трудности, я уже затрагивал эту тему. Могу добавить: на мой взгляд, и наши бывшие авторы, и молодые композиторы ныне пишут иные песни. Как говорил Маугли, ты и я одной крови, — у нас с предлагаемыми песнями такого совпадения не получается. Правда, Лена Преснякова с ребятами и Инна Маликова с «New Самоцветами» более лояльно подходят к этому вопросу. Думаю, вскоре у них в репертуаре наряду с песнями-ветеранами появятся и новые.

Я уже похвастался, что для альбома «Мы стали другими» песни написал В. Пресняков. Это первый альбом после нашего «возрождения», и не случайно именно этот композитор поддержал нас в эпоху «межсезонья».

С Леной и Володей Пресняковыми я познакомился очень давно, в Одессе, где отдыхал, а они выступали с группой артистов из Таджикистана. На один из таких концертов я случайно попал. Они мне сразу понравились. Искренность, задушевность, яркая одаренность и профессионализм молодых исполнителей просто покорили зрителей и, конечно, меня. Естественно, я пригласил их на работу в свой ансамбль.

У них уже тогда был маленький сын — знаменитый ныне Пресняков-младший. Сами ребята из Свердловска не планировали переезд в Москву, да еще целой семьей, — это было делом сложным и выматывающим. Именно выматы-



Чаепитие в доме Пресняковых. 1998 год



Елена Преснякова и Александр Брондман. 1977 год

вающим — я специально употребил это слово: советские чиновники у нас находили тысячи причин измотать человека до предела.

Главным условием оформления на работу в то время в столице было наличие московской прописки. Чтобы ее получить, надо было предъявить документы с места работы. Даже по истечении стольких лет мне невмоготу вспоминать те походы «по инстанциям» и ернические беседы чиновников с нами в их пропитанных вседозволенностью кабинетах. Это опять тот случай, когда я не хочу вспоминать, какими средствами добился своей цели.

В конце 1975 года Лена и Володя Пресняковы стали работать в «Самоцветах». Владимир Пресняков уже тогда являлся известным саксофонистом и лауреатом многих международных конкурсов. В свое время он был руководителем известного вокально-инструментального ансамбля «О чем поют гитары», впавшего в немилость властей и расформированного.

В период временного прекращения творческой деятельности «Самоцветов» Владимир Петрович перешел в коллектив своего «звездного» сына, занимается собственными музыкальными проектами, а Лена по-прежнему радуется зрителей и коллег своим мастерством как вокальным, актерским, так и умением всегда быть красивой и молодой.

Я счастлив, что эти люди рядом и что они мои истинные друзья. Всякое бывало за эти годы. И поссорить нас пытались, но я на провокации не клюю. Это я с виду мягкий и пушистый, а внутри железный, даже кое-где каменный. Во всяком случае, я хорошо знаю, кто есть кто, и очень люблю поговорку «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так вот Пресняковы — мои друзья. Теперь понятно, кто я?

Если перечислить всех музыкантов, прошедших «школу» «Самоцветов», то надо будет назвать не один десяток человек. А солисток-женщин в истории ансамбля долгое время было только две. Первая — Ирина Шачнева. Фами-

лию ее раньше никогда не называли, и для зрителей — несмотря на популярность, она была просто Ирой. Недавно Шачнева мне рассказала, что до сих пор, узнав ее на улице, кто-то обязательно воскликнет: «Это же Ира из «Самоцветов!». Думаю, ей это приятно.

В юности при серьезном увлечении классикой Ирина мечтала петь The Beatles, Deep Purple, Rolling Stones. Когда после окончания школы она поступила в Гнесинку, то в ее жизни сразу появились ночные концерты в МГУ, музы-



Ирина Шачнева и Анатолий Могилевский. 1974 год

кальные сейшны и множество других интересных мероприятий.

Создавая в 71-м году свой коллектив, я задумал «ввести» в его звучание женский голос и поделился своими планами со Славой Добрыниным. Слава не только поддержал мое решение, но и на следующий день привел на прослушивание молодую певицу. Позднее, вспоминая этот день, Ира говорила не только о своем волнении, но и о въедливом запахе кожи, который ей очень мешал сосредоточиться — мы ей не объяснили, что клуб, где проходили наши первые репетиции, соседствовал с кожевенным заводом. Я тогда тоже пережил много волнений и организаторских, и творческих: ведь все ребята, и Ира в том числе, хотели петь только биттлов, и только на английском языке. А я им все время «подсовывал» какие-то песенки типа «Тундры» или «Добрых примет»...

Вспоминая те трудные поиски общего языка, Ирина Шачнева всегда подчеркивает, что момент, когда они сообразили, что у их руководителя уникальный «нюх» на шлягеры, и стал настоящим стартом ансамбля к вершинам признания. Шачнева тогда здорово спела «Тундру», «Мой адрес — Советский Союз», «Там, за облаками», «Не надо печалиться»... Замечательный голос и манера сценического поведения первой солистки многое решили в завоевании ансамблем зрительских симпатий.

Вторая наша солистка Елена Кобзева (Преснякова) появилась в конце 1975 года. Это был дорогой подарок судьбы, который помог пережить уход Иры из «Самоцветов». Когда ребята покидали меня, я ей сказал: «А ты-то куда собралась? Ты должна остаться!». Но она тогда вообразила, что, если не примкнет к тем, кто покидал меня, то в глазах коллег будет выглядеть предательницей. А вот выглядеть так в моих глазах она не побоялась. Наверное, надо было найти какие-то слова, доводы, в общем, уберечь молодую певицу от этого глупого шага, но мне, честно говоря, было не до этого. Рушилась моя мечта. Я был обижен, огорчен и невероятно озабочен дальнейшей судьбой ансамбля.

Потом, когда мы снова начали общаться, Ира пожалела о содеянном. «Если бы можно было начать все сначала, я

бы все исправила», — сказала она. Но ничего уже не изменишь... Да, здорово тогда пошалили ребятишки — такое дело чуть не загубили.

Мы уже в то время являлись востребованными и популярными и приносили «Москонцерту» такой доход, что даже суровые худсоветы, не любившие людей с гитарами, вынуждены были признать наше лидерство. Кстати, именно Ирина Шачнева впервые вышла на сцену в брюках и с распущенными волосами, до этого все наши эстрадные дивы появлялись перед зрителями в юбках, платьях, с «запачканными» прическами или хвостиками.

Работая в ансамбле «Пламя», Ира свой имидж не меняла, верна она ему и сейчас. А после смерти мужа и распада ансамбля «Пламя» Шачнева пережила очень трудный жизненный период. Для нее, привыкшей жить интересами коллектива, с ощущением постоянной востребованности, в особом рабочем ритме, жизнь вдруг остановилась. Не стало концертов, поездок, бесконечных звонков и людей, которых она любила и которым верила. Человек энергичный и сильный, Ирина не дала обстоятельствам себя сломать. В 1991 году она окончила ГИТИС (РАТИ) и работала режиссером музыкальных театров и эстрадно-массовых представлений. А когда в 1995-м я затеял юбилей «Самоцветов», Ирина Шачнева вернулась «в строй». Теперь она солистка одного из наших творческих подразделений, и, по ее признанию, к ней вернулось все, что было и всегда оставалось для нее главным — Музыка.

Если когда-то у «Самоцветов» была одна солистка, то теперь на три состава у нас четыре певицы: Лена и Ира, Яна и Инна (солистки новых «Самоцветов»). Словом, «не надо печалиться»...

Сейчас зачастую слово «звезда» заменяет главное понятие — артист. Звезд столько, что этот титул уже никого не удивляет. Скорее, смешит. Иногда, глядя на представляемого как «звезда эстрады» исполнителя, изображающего

пление под фонограмму на фоне накачанных мальчиков и девочек в пляжных костюмах, я думаю: а кто определяет степень одаренности молодого человека, вводя его в ранг «звезды»? Иногда мне кажется, что это безнаказанная шалость самого исполнителя или «продюсера», которому надоела его палатка на каком-нибудь рынке, и он решил сменить род занятий и взрастить на эстраде еще одну «звезду», или это потуги пиара.

Я лично к звездному чину отношусь с известной осторожностью. По-моему, ерунда все это, и никакой «звездности» на отечественной музыкальной эстраде нет и не должно быть. А должна быть ра-бо-та, работа и работа. Кстати, призыв из прошлого «учиться, учиться и учиться» на сегодняшний день очень актуален, и во многом качество работы определяет учеба — подготовка к этой работе. А по качеству и результатам можно оценить значимость претендента на причисление к небесным светилам, то есть к звездам.

Замечу, что во времена наших начинаний на эстраде такого титула не было. Да мы в нем и не нуждались. Музыка,



Сергей Беликов и Елена Преснякова (Кобзева). 1977 год

песни, репетиции, выступления и зрительский интерес — вот что определяло дарование, востребованность и профессионализм. Так было, так есть и так будет.

Наши концерты всегда собирали большие деньги, но мы получали свои концертные ставки. Они существовали двух видов: разовая и плата за конкретное мероприятие, то есть за сольный концерт отдельно. Разовая ставка была от 5 до 10 рублей, а плата за концерт — от 5 до 20 рублей. Нельзя сказать, что мы были обижены деньгами. И музыканты, и артисты ансамбля могли позволить себе больше, чем обычный человек, который работал на предприятии или в институте со средней зарплатой 120 — 150 рублей. А мы зарабатывали 500 рублей и



ВИА «Самоцветы», 1984 год

более. Но эти деньги доставались нам огромным изнурительным трудом — надо было отработать 30—50 концертов в месяц. И работали мы, в основном, вдали от дома, «вечные гастролеры», оторванные от семьи, главное, от детей.

То, чем я занимаюсь и всегда занимался — труд интеллектуальный и интеллигентный. Может, поэтому я никогда не номинировался как лучший продюсер и менеджер. Когда меня спрашивают: «Как у вас там в шоу-бизнесе?», я отвечаю: «С шоу прекрасно, с бизнесом хуже».

Концерт — это огромная затратная часть, без спонсоров ее не осилишь. По идее, артисты должны зарабатывать деньги с продаж музыкальных альбомов. Но при вопиющей ситуации с пиратами эти деньги до артистов не доходят. То, что вы видите — дорогие машины, наряды — не символы респектабельности. Просто артисты так устроены: последние деньги могут отдать за эти внешние атрибуты.

У меня в дипломе стоит редкая запись: солист оркестра. Почему редкая? А потому что, как правило, солистом оркестра может быть виолончелист, скрипач, но никак не контрабасист. Я получил настоящее классическое образование, наверное, поэтому так болезненно воспринимаю оккупацию эстрады людьми, мало подготовленными к работе на этой «кафедре», как называл сцену мудрый Виссарион Белинский.

Конечно, я мог бы стать просто музыкантом в оркестре, и хорошем оркестре, предложений у меня хватало. Но я всегда стремился к созданию чего-то своего, даже когда еще не знал, что именно я хочу создать. Я верил, что это будет интересным и масштабным. По-моему, у меня получилось! Профессионализм и трудолюбие — важные составляющие работы, но в том, что мне удалось, я считаю, есть огромная заслуга моей интуиции. Без нее ничего бы не вышло. Никогда не забуду, как она помогала мне находить солистов и единомышленников. Я благодарен своей интуиции и считаю, что спасибо ей могут сказать многие сегодняшние знаменитости, в судьбе которых она сыграла

заметную роль. И я по-настоящему счастлив, что, отбирая солистов для ансамбля, принципиально подходил к вопросам степени одаренности и мастерства претендентов.

Правда, бывали случаи, когда интуиция меня подводила, грех не вспомнить об этом. Наша первая творческая лаборатория размещалась на фабрике «Красная швея», где и проходили прослушивания кандидатов в солисты ансамбля. А первыми слушателями наших песен были те, кто работал на «Красной швее». Однажды я совершил колоссальный «прокол»: до сих пор сожалею, что не оценил дарования Саши Серова и Саши Малинина. Работницы фабрики были тогда в полном восторге от их пения, а моя интуиция не прислушалась к мнению народа и дала сбой.

И все-таки многое удалось. «Самоцветы» стали по праву школой, чьи выпускники были отмечены золотыми медалями.

Юбилей нашего ансамбля мы отмечали на сцене Государственного Кремлевского дворца. 35 лет на эстраде — целая эпоха в жизни каждого человека и всей страны. Очень



Президент музыкальной премии «ОВАЦИЯ»
Анатолий Сиротюк и народные артисты России,
Юрий Антонов, Юрий Маликов, Владимир Назаров

внушительная дата, и к этому событию мы серьезно подготовились. Юбилей «Самоцветов» для нас стал не только прекрасным поводом «попеть» на всю страну, но и возможностью поговорить с многомиллионной зрительской аудиторией. А поговорить хотелось давно, да и было о чем.

Перед юбилеем я волновался и много думал, вспоминая всех, с кем работал, и все, что было сделано и пережито. А волновался не меньше, чем 35 лет назад, когда ансамбль только создавался, когда все еще было впереди. Конечно, пережить это волнение мне помогало то, что рядом находились мои «самоцветы», дорогие мои певцы и музыканты, которые очень трепетно и ответственно отнеслись к подготовке этого праздника. В этот важный момент огромную поддержку нам оказало руководство Государственного Кремлевского дворца, которое предоставило свою замечательную сцену и активную помощь профессионалов творческих и технических цехов. Низкий поклон им за понимание и творческое содружество. Нарушая законы шоу-бизнеса, Кремлевский Дворец сотрудничал с нами по законам благородства и чести. Конечно, в программу юбилея входило «обнародование» наиболее ярких страниц жизни нашего коллектива и рассказы о звездах ансамбля, но главными героями нашего праздника, как было все эти 35 лет, стали песни. Из них, как из разноцветных мозаик, складывался наш многокрасочный юбилей. Интерес к телеверсии концерта был огромен. В течение 2007 года концерт транслировался 4 раза по РТР, а те номера, которые не вошли в эфир, были показаны по другим программам! За это мне хочется всем сказать огромное спасибо.

Я уже рассказывал о пресс-конференции в РИА «Новости», где журналисты задавали мне много самых разнообразных вопросов, на которые я подробно и откровенно отвечал. Если бы все материалы конференции собрать и опубликовать, то это была бы самая подробная и правдивая история жизни нашего ансамбля. Поэтому я решил хотя бы частично отразить в своей книге наиболее интересные моменты памятной встречи с журналистами накануне юбилея «Самоцветов».

Первым, естественно, был задан вопрос о создании коллектива. Цитируя свои ответы на пресс-конференции, я

позволю себе вернуться к волнующей теме, с которой начал свой рассказ о «Самоцветах». Работа по прослушиванию и подбору исполнителей проходила необычайно напряженно и ответственно. В конце 70-го года первый состав, наконец-то, определился, и мы впервые собрались вместе на репетицию. Работали долго, много и 14 июня 1971 года «сдали» свою первую программу, с которой уже 31 июля вышли на суд зрителя в Эстрадном театре «Эрмитаж», в сборном концерте мы исполнили три песни.

Наша следующая ступень на пути завоевания зрительских симпатий — радиоэфир. 8 августа 1971 года мы приняли участие в программе «С добрым утром», в те годы очень популярной передаче. Тогда радио рассказало о нас на всю страну, а мы спели песню М. Фрадкина «Увезу тебя я в тундру» и русскую народную песню «Пойду ли, выйду ль я». Тогда же мы объявили конкурс на наше название, который сами выиграли, став «Самоцветами».

Если на первую репетицию мы собрались в конце 70-го, то в конце 71-го рискнули на сольное выступление. Знаменитые горьковские слова «Безумству храбрых поем мы песню» — это про нас. Надо сказать, что в начале творческого пути состав ансамбля находился в очень «подвижном» состоянии. Исполнители постоянно менялись, в конце концов, мне удалось сформировать основную группу артистов, которая и записала впоследствии первые песни «Самоцветов». Это Ирина Шачнева, Эдуард Кролик, Сергей Березин, Геннадий Жарков, Лев Пильщик, Николай Раппопорт. Позднее к ним присоединились Валентин Дьяконов, Анатолий Могилевский, Юрий Петерсон, а Раппопорта заменил Юрий Генбачев. Этими именами гордится наш ансамбль, это золотая страница его истории.

«Увезу тебя я в тундру», «Не повторяется такое никогда», «Добрые приметы», «Верба», «Не надо печалиться», «У деревни Крюково», «Если сердцем молод», «Горлица», «Школьный бал», «Багульник», «Там за облаками», «У нас, молодых», «На земле живет любовь», «За того парня», «Экипаж — одна семья», «Мой адрес — Советский Союз» — золотой песенный фонд ансамбля. Он сотворен талан-

том людей, которых я назвал и которые вместе с КОМПОЗИТОРАМИ и ПОЭТАМИ, доверившими нам свои песни, стояли у колыбели ВИА «Самоцветы».

Впервые в масштабном творческом турнире мы приняли участие в 1972 году в качестве почетных гостей. Это был Дрезденский шлягер-фестиваль, ставший для нас очень серьезным испытанием. В общем зачете приняли участие 25 исполнителей, и когда наш солист Валентин Дьяконов занял 6-е место в песенном конкурсе, я понял, что испытание мы выдержали с честью. А как мы были счастливы, когда в Дрездене вышла пластинка с песнями «Самоцветов»!

Через два года в 1974 году мы получили звание лауреата V Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Это стало подтверждением наших побед. Сегодня ансамбль «Самоцветы» — лауреат многочисленных телевизионных фестивалей «Песня года», лауреат Национальной музыкальной премии «Овация», лауреат Национальной премии Попова в области радиовещания. Как не вспомнить наши победы на фестивалях и конкурсах в Праге, Берлине, Варшаве, Гаване, Милане, в странах Африки и Латинской Америки, где нас принимали как послов российского искусства, которое, судя по отзывам, мы достойно представляли. А артисты ВИА стали **народными, заслуженными деятелями искусств, заслуженными артистами России и автономных республик.**

К каждому гастрольному турне мы готовили специальную программу, в которую включали песни стран, пригласивших нас в гости. В афишу «Самоцветов» также входили произведения, которые по нашему собственному решению считались обязательными в репертуаре — «Подмосковные вечера», «Катюша», «Смуглянка-молдаванка»... Звучали эти песни в нашей собственной аранжировке. Так что репертуар все время пополнялся новыми песнями, и это состояние постоянного творческого поиска «Самоцветов» было интересным и для исполнителей, и для зрителей.

В этой главе я сознательно обращаюсь то и дело к вопросам журналистов, заданным на предъюбилейной пресс-конференции. Их интерес стал проекцией народного желания узнать о своих любимых артистах чуть-чуть больше, чем они

сами могут рассказать о себе со сцены во время концертов. Это нормальное здоровое и доброе любопытство не обижает актеров, оно радует их и сближает со зрителем.

Один из центральных вопросов — какое отношение имеют известные артисты к ВИА «Самоцветы», в юбилее которого они участвуют. А если дословно, то вопрос звучал так: «Сколько нынешних звезд «прошло» через ваш ансамбль?».

Точно назвать количество артистов, когда-либо исполнявших песни в составе нашего ансамбля, даже я не берусь, но твердо знаю, что известных ныне, не менее 50 человек, точнее сказать трудно, так как состав «Самоцветов» менялся каждые пять лет.

В юбилейных афишах говорилось, что на наш концерт мы приглашаем 100 звезд советской и российской эстрады. В анонсах пресса писала: «На сцену Государственного Кремлевского дворца в этот вечер поднимется «золотой состав» знаменитого коллектива, а также известные артисты, в разное время выступавшие в «Самоцветах»: Вячеслав Добрынин, Ирина Шачнева, Елена и Владимир Пресняковы, Владимир Кузьмин, Александр Барыкин, Владимир Винокур, Алексей Глызин, Сергей Беликов, Аркадий Хоралов, Дмитрий Мали-



Владимир Кузьмин

ков, Анатолий Могилевский и другие. Приехал и Валентин Дьяконов, наш первый «самоцвет». И, конечно, нас пришли поздравить наши друзья — популярные артисты и участники легендарных вокально-инструментальных ансамблей...

То, что произошло 16 ноября 2006 года на сцене Кремлевского дворца, было замечательно, прекрасно и одинаково дорого и исполнителям, и зрителям. В человеческой жизни есть моменты наивысшего счастья, в юбилейный вечер я испытал это чувство и уверен, что все «самоцветы» пережили то же. Конечно, жаль, что «не повторяется такое никогда», поэтому-то счастье и не бывает состоянием привычным и обыденным. К нему надо всегда стремиться, его надо завоевывать, а обретя, помнить, что с завтрашнего дня к нему опять надо стремиться.

Как основатель и художественный руководитель ВИА-юбиляра, наблюдая за триумфом «Самоцветов», я не скрывал своей гордости. Отбросив ложную скромность, скажу, что наш ансамбль действительно стал стартовой площадкой для многих талантливых людей, принесших истинную сла-



Вячеслав Добрынин и Юрий Маликов. 2000 год

ву нашей эстраде. Их называют «золотой оправой песен «Самоцветов». Конечно, я не могу рассказать обо всех исполнителях, шагнувших в звезды из наших рядов, но многие имена были названы мной на пресс-конференции, и на страницах своей книги я хочу сказать добрые слова о тех, кто, став даже не звездами, а бриллиантами высокой эстрады, с гордостью продолжает называть себя «самоцветами».

Владимир Кузьмин пришел к нам совсем юным, одержимым и готовым к любым экспериментам. Это теперь он уважаем и знаменит, но я-то познакомился с ним во дворе фирмы «Мелодия», где он сидел на лавочке в статусе безработного музыканта. Я подсел к нему. Мы разговорились, и я понял, что этот гитарист и будущий певец просто родной нам человек. Предложил ему сотрудничать с нами, и Володя радостно согласился. Тогда для него и творчески, и жизненно это было просто необходимо. Известность Господь дал ему за труд и преданность музыке.

Нам везло на талантливых Владимиров. Владимир Винокур являлся стажером театра оперетты, где его называли «засценным хохмачом». Они с Львом Лещенко еще студентами активно работали в этом театре, я хорошо помню их в спектакле «В ритме сердца». По распределению после ГИТИСа он должен был работать в музыкальном театре. О Винокуре мне рассказал пианист и дирижер Михаил Банк, а руководитель театра порекомендовал пригласить Володю в ансамбль ведущим, что я и сделал.

Придя к нам, Винокур сразу заявил, что хочет петь, и для него был поставлен специальный пародийный номер с песнями Высоцкого, Магомаева и других известных артистов, после чего Винокура узнала и полюбила вся страна. Владимир Винокур — замечательный актер разговорного жанра и не менее талантливый певец. Мы гордимся, что у нас он сделал свои первые пародии и что к его творческой судьбе мы имеем самое непосредственное отношение.

С Алексеем Глызиным я познакомился, когда ему было всего 18 лет, и он пел в маленьком ресторанчике на Профсоюзной улице. Я помню, Алексей пел песню Стиви Уандера, и мне очень импонировали и его манера исполнения, и голос. Этот скромный и одаренный парень меня просто

очаровал. Я не раздумывая пригласил его в наш коллектив. Он, сразу же согласился. Правда, мне показалось, что мое предложение его немного напугало. Алеша Глызин выходил с нами на подмостки почти четыре года. Потом перешел в ансамбль «Веселые ребята», и мне несколько раз попадалась в прессе версия, что он якобы и начинал в этом ансамбле, но это не так. Мы от Алексея не отказываемся: он наш; и как вокалист, и как музыкант утверждался в «Самоцветах».

Как-то в одной газете я прочел, что у нас служил рабочим сцены известный актер Александр Ширвиндт. Это еще раз подтверждает некомпетентность некоторых журналистов. Шура Ширвиндт в те времена был уже безумно популярным и в кинематографе, и на столичной сцене. Но Ширвиндт у нас действительно работал. Это был сын Александра Анатольевича — Миша, ныне известный телеведущий и создатель телевизионной передачи «Дог-шоу». Миша тогда учился в институте и оказался в числе этих «гаврошей на баррикадах», которые непонятно в знак какого протеста сожгли флаг. Из института их, конечно, выгнали и отправили на исправительно-трудовые работы. Эти «работы» по просьбе папы юный Ширвиндт проходил у нас в коллективе, не пугаясь труда осветителя и грузчика. Миша оказался очень дисциплинированным и умелым работником: электроосветителем и звуковиком. Он любил нас, а мы любили его. Так что время его службы в «Самоцветах» вспоминаем добрыми словами и он, и мы. Это наш человек, и мы гордимся, что такая интересная личность, как Михаил Ширвиндт, сформировалась именно в недрах нашего коллектива.

Мы сотрудничали со многими авторами, композиторами и поэтами, и в том числе с недавно ушедшим рано из жизни Анатолием Днепровым. Он был талантливым человеком и писал по-настоящему красивые песни. Мы были первыми исполнителями его песни: «До чего же, Россия, ты русская... До чего же тебя я люблю...». По-моему, его преследовал какой-то им самим нагнетаемый рок. Я помню, каким праздником для него стала запись этой песни, и как мы все радовались этому. У него же все получалось, но вдруг через два дня он эмигрировал. Зачем? Потом вернулся. И такой печальный финал...

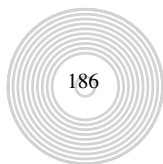
Мне приятно, что мой сын Дмитрий Маликов пользуется популярностью и уважением зрителей. Он тоже начинал в нашем ансамбле. Дима учился в музыкальном училище, когда я привел его в коллектив. Здесь, конечно, не последнюю роль сыграл случай: у нас заболел пианист, и необходимо было срочно найти ему замену. Дима — очень способный музыкант, он тогда здорово нас выручил, а потом, когда наш пианист выздоровел, Дима остался в ансамбле. Это его второй дом, он вырос среди этих людей и в звучании наших песен.

Дима тогда пересел на клавишные, а через год неожиданно подарил нам песню «Солнечный город», которую мы исполняли с большим успехом. Дима как-то очень быстро стал своим в новом амплуа. Ему понравилось создавать песни. Знакомя нас со своим новым творением, он каждую песню исполнял сам, и так неожиданно раскрылся и состоялся как автор-исполнитель. Его становление в этом качестве шло постепенно, без напряжения, суеты и, могу засвидетельствовать, вдумчиво и очень кропотливо.

Требования к Дмитрию Маликову в ВИА предъявлялись такие же строгие, как и к тем, кто приходил со стороны. Я рад, что он так, шаг за шагом, доказал свое право на творческую жизнь на эстраде и сейчас является одним из интересных и любимых зрителем исполнителей. Когда в 90-х годах «звезда» нашего ансамбля почти погасла, сын, набирая популярность, приблизился к рангу популярных артистов эстрады, и перед ним открылась своя дорога в творчестве.

Конечно, мне было немного грустно, что в какой-то момент, с появлением новых течений, новых вкусовых восприятий песен, «Самоцветы» становились невостребованными, но я радовался успеху своих собратьев по ансамблю, которые в это трудное время смогли найти себя в сложном творческом мире. Но жизнь все расставила по своим местам, и, в конце концов, нам достался весь урожай наших прежних посевов.

Что посеешь — то и пожнешь!



Глава VIII



*Самоцветные
истории*

Серьезный и откровенный разговор о творчестве и жизни подошел к финалу, и, я думаю, что на прощанье можно позволить вспомнить кое-какие истории просто из нашего быта... Это тоже часть жизни «Самоцветов». Как все эстрадные коллективы, мы всегда много ездили, и, как у всех гастролеров, у нас случались истории-казусы. Все перечислять не буду, но о некоторых из них хочется вспомнить.

Однажды в Казани наше выступление так затянулось, что на вокзал мы должны были бежать в прямом смысле слова, чтобы успеть погрузиться и вовремя попасть на следующий концерт, который проходил в другом городе. На вокзале мы узнали, что в нашем поезде нет багажного отделения, а у нас-то с собой особый груз, будь здоров какой! Тогда мы срочно откупили еще два купе и торопливо начали затаскивать нашу аппаратуру.

Но вдруг неожиданно взбунтовалась проводница, которая, не слушая наши объяснения, почему-то вообразила, что мы осуществляем незаконный захват ее территории. Понять не могу, откуда у этой женщины взялось столько сил и изобретательности в борьбе с нами, но только устроила она нам настоящую «куликовскую битву».

Мы понимали, что, если «схватка» продлится еще чуть-чуть, то мы имеем шанс остаться на перроне. Тогда мы

Мой адрес - не дом и не улица...



Комментарии излишни....

изловчились и заперли эту фурию в туалете. Боже, как она орала, с какой силой выламывала дверь, вагон буквально раскачивался от ее дикой энергии. На крик прибежал бригадир и тут же вызвал наряд милиции. Поезд в это время неоднократно делал попытки тронуться, но кто-то из наших артистов удачно успевал периодически нажимать на стоп-сигнал.

В конце концов, нам удалось доказать свои права на оплаченные купе. Мы погрузились и даже успели на следующий концерт.

Закончилась эта история так. В «Москонцерт» на меня поступила жалоба. Я накатал ответ в МПС. В результате взаимных обвинений участники события были вызваны на совещание в Министерство путей сообщения, где и состоялось наше торжественное примирение.

Еще я помню курьез с выступлением Володи Винокура. Его приход в наш коллектив в 1975 году для моих музыкантов и певцов вначале был необъяснимым явлением.

Опять же о моей интуиции. Я точно знал, что Винокур обязательно заявит о себе как артист больших возможностей. Но когда и как это произойдет, я сказать не мог. Вот и «катал» наш новый коллега с нами на гастроли исправно почти шесть месяцев, но на сцену не выходил, хотя зарплату получал и в поездках нам травил такие байки, что мы просто умирали от смеха и всегда с нетерпением ожидали следующего сеанса «радостной психотерапии».

А однажды с этими байками я выпустил его на сцену. Он тогда так переволновался, что перепутал все, что можно было перепутать, и это вдруг так захватило зал, что Володя в этот вечер стал главным героем нашего концерта. Успех был ошеломляющий, и это выступление стало началом его плодотворной и интересной работы в «Самоцветах».

Специально для Винокура в программу был включен номер «подсадка». Один зритель (его изображал Володя) так «загорался» происходящим на сцене, что громко объявлял о

своем желании принять участие в действии. Он выскакивал из зрительного зала на сцену, и тут начинался эстрадный «фейерверк». Это была вершина пародии! Володя пел, танцевал, читал монологи, удивительно смешно и точно изображая известных актеров. Успех он имел всегда!

И однажды, не помню, в каком городе это было, работали мы традиционно в хорошем ритме, и вдруг — пауза... В это время на сцену как раз должен был выпрыгивать «зритель из зала», а его нет, и в зале начинается какая-то непонятная суeta — прелюдия к скандалу.

Оказалось, что дружинники, дежурившие на концерте, проявили бдительность, и при первой же попытке Винокура вмешаться в действие на сцене скрутили его как нарушителя порядка, и к моменту, когда я подключился к происходящему, его уже на полном серьезе волокли из зала. Тот, конечно, сопротивлялся, продолжая играть роль зрителя, что-то кричал, но для них он был злостный хулиган, и они четко выполняли свои должностные обязанности.

Слава Богу, я не растерялся и призвал в союзники зал.

— Товарищи, — сказал я, — давайте предоставим человеку возможность попробовать свои силы в творчестве! А может, это и есть то, о чем он мечтал всю свою жизнь!

Наверное, я был очень убедителен: зал сразу меня поддержал, и дружинники вынуждены были вернуть свободу нашему Володе Винокуру, который тут же вырвался на сцену и, уж не знаю, где он после этого казуса взял силы, но был великолепен! Со зрителями творилось что-то непередаваемое, они кричали, топали ногами, аплодировали, буквально падали со стульев от смеха.

Как молоды мы были! Сегодня-то уже никто не перепутает знаменитого артиста со зрителем, рвущимся на сцену!

Продолжая эту тему, я хочу вспомнить курьез, который произошел с таким серьезным человеком, как Владимир Петрович Пресняков. Случилось это в Германии в те вре-

мена, когда в наших магазинах товаров на полках не наблюдалось, и мы вещи не покупали, а доставали. Заходим мы однажды в один немецкий магазин и обалдеваем — бери и покупай, что хочешь, любых фасонов и расцветок. Товар аккуратно разложен по колясочкам, и все колясочки в твоём распоряжении. Понятно, что голова у нас у всех пошла кругом, и мы все без исключения стали «нырять» в эти колясочки и, умирая от восторга, выбирать вещи по вкусу. Я тоже увлеченно рылся в этом добре, когда в магазине раздался жуткий вопль, перешедший в отчаянный женский крик. Я рванул на этот крик и увидел, как на Преснякова набрасывается какая-то разбушевавшаяся немка, а тот, жутко растерянный, очень деликатно от нее обороняется. Тут же подбежал к нему — ничего глупее, абсурднее и смешнее придумать просто нельзя! Оказалось, что Владимир Петрович так увлекся поиском нужных ему красивых вещей, что, перебив все имеющиеся под рукой колясочки, сунулся с этой же целью в колясочку, где мирно спал малыш той самой ффрау, которая, защищая своего ребенка, и пыталась его побить.

Конечно, мы потом долго «обхихикивали» эту ситуацию, но это уже было позже, после серьезного объяснения с немцами, которым долго доказывали, что «господин из России» и не думал посягать на младенца в коляске, он просто искал нужный ему по цвету и размеру свитер...

Однажды в одном давнем интервью я обещал рассказать об операции под названием «Заслонов». Дело происходило давно, в дни моей молодости.

На гастролях после концерта мы частенько возвращались в гостиницу с поклонницами и портвейном. А в советские времена на каждом гостиничном этаже сидела администраторша, которая не пускала посторонних, тем более женского пола. Зная об этом, мы всей гурьбой подходили к стражнице морали и буквально засыпали ее вопросами: откуда позвонить в Москву, можно ли вклю-

чить кипяtilьник и т.д. Пока ошарашенная тетя отвечала на вопросы, девушки ловко за нашими спинами пробежали в номер. Вот и все наши тайные ухищрения!

Однажды в Дом кино на наш концерт пришел Василий Шукшин с женой Лидой. Мы им очень понравились, и Шукшин пригласил нас сняться в его фильме «Печки-лавочки». Мы, конечно, с радостью согласились, и три дня снимались у Шукшина. Но только оказалось зря, так как при монтаже наш эпизод из фильма вырезали, но осталась песня, которую мы пели, и она звучит в нашем исполнении в этом эпизоде в картине, где ее герои едут в поезде.

В далеком 1973 году я был в числе музыкантов, выступающих для строителей, уезжавших на БАМ. В этой торжественной акции участвовали и члены Правительства. Я тогда впервые увидел «живьем» Леонида Ильича Брежнева. Он как-то очень по-доброму отнесся к нам, артистам. Мало того, что каждому руку пожал, так еще и поинтересовался: «А вы их покормили?».

Мне в этой суматошной жизни приходилось встречаться с очень многими представителями власти, но, насколько помню, сыт ли я, никто из них не интересовался.

А однажды наш ансамбль выступал перед аудиторией, состоящей из четырех человек. Это были Виктор Черномырдин и Леонид Кучма с супругами. Культурная программа состоялась в президентской резиденции, и, кроме «Самоцветов», для участия в ней была приглашена еще народная певица.

Было очень весело и спокойно. Мы сначала слушали, как под баян пели они, а потом и мы и они. Песни чередовались с тостами, и вообще все было очень мило и осталось в памяти светлым воспоминанием.



Света, Юра, Люся. 2000 год. Париж



Света, Ханс-Херберт, Люся, 2000 год. Париж

В 93-м году в ноябре Диму пригласили с сольным концертом в Германию. Мы решили поехать всей семьей: я, Люся и Инна.

Программу концерта вел пародист Алексей Птицын, и после того, как он меня представил, я тоже включился в действо: кое-что подыграл и кое-что подпел из Диминого репертуара. Зритель у нас был русскоязычный, и когда концерт закончился, за кулисы пришла женщина и пригласила нас в гости. Мы, честно говоря, не знали, как нам на это реагировать: идти к чужому человеку не хотелось, но обидеть отказом — тоже. И тут Миша Фридман — он был организатором Диминого концерта — говорит: «Юра, это наша с тобой соотечественница и моя хорошая знакомая. Она замужем за немцем, очень часто ходит на концерты артистов из России и обычно приглашает их в

гости. Это очень порядочная и состоятельная семья. Так что соглашайтесь».

Выступали мы в Кельне, а в гости поехали в город Гумерсбах, это недалеко от Кельна. Естественно, ужин состоялся в ресторане, за границей не очень любят принимать гостей дома, или, как у нас принято, «посидеть на кухне». Нашу новую знакомую звали Светой, она к тому времени уже 9 лет жила в Германии, а раньше работала переводчицей в Интуристе. Дочку ее звали Катей, а мужа — Ханс-Херберт Беккер. Русского языка он не знал, зато знал французский, английский и даже испанский. Из этого набора мы предпочли английский. И вот так худо-бедно и протекала наша беседа. Естественно, главной темой стал Димин концерт. Света и Катя объявили себя его поклонницами, а сам Ханс-Херберт Беккер через их восторги тоже проникся симпатией к Диме, да и нас одарил добрым отношением.

«Самоцветов» он не знал и песен наших никогда не слышал, но это не мешало нам «завязать» достаточно теплые отношения. Когда на следующий год я поехал в Германию, чтобы приобрести «Мерседес», мои новые знакомые гостеприимно принимали меня у себя, и я жил у них целую неделю пока выбирал и покупал машину.

Так у меня появились друзья в Германии. Мы очень бережем нашу дружбу, ездим друг к другу в гости, Ханс-Херберт уже давно знаком с нашими песнями, которые мы ему исполняли, и знает, что такое ВИА «Самоцветы». Очень весело и шумно мы отмечали его 60-летие, приехав всей семьей в Германию. Теперь у нас уже выработался свой язык общения, своеобразный «коктейль» из русских, английских и немецких слов.

И еще одна история, которую я хочу рассказать. Она не смешная, но интересная. Однажды Давид Тухманов поспорил с одним солидным человеком, который в те времена возглавлял отдел культуры ЦК комсомола, что он с та-

лантливými исполнителями и хорошей аранжировкой из любой песни может сделать шлягер. Я до сих пор радуюсь, что замечательному композитору пришла в голову эта идея. Он тогда выиграл ящик коньяка, а мы на долгие годы получили в репертуар замечательную песню. Речь идет о песне «Мой адрес — Советский Союз», музыку которой сочинил Д. Тухманов, а слова — В. Харитонов.

Хороший композитор, хороший поэт — так в чем история? Да в том, что Тухманов с этой песней принял участие в модном тогда анонимном конкурсе на лучшую песню. Он послал свое творение под псевдонимом на радиостанцию «Юность», а там сразу жюри его «зарубило». Кстати, аналогичная история произошла и с «Подмосковными вечерами», но это я вспомнил к слову.

Нам песня Д. Тухманова очень понравилась, и мы на ее патриотические слова сделали очень стильную по тем временам аранжировку. Для записи стука колес в начале и конце песни мы использовали фонограмму. Тогда компьютеров-синтезаторов не было, и мы для того, чтобы на концерте запустить фонограмму, возили с собой огромный магнитофон. Под фонограмму мы никогда не выступали, и это, пожалуй, был единственный случай, когда она на нас работала.

Кстати, я в своей книге еще ни разу не касался актуальной темы — фонограммы, но обойти молчанием ее не могу. Сегодня я являюсь вице-президентом Международного союза деятелей эстрадного искусства, и к нам из Госдумы поступили документы с требованием наложить запрет на исполнение фонограмм в эстрадной деятельности. В связи с этим нами был разработан абсолютно профессиональный документ, где были рассмотрены разные варианты. Естественно, под чужую фонограмму петь категорически запрещено. Я хочу вспомнить грубоватую работу «Ласкового мая», когда под одну запись по стране гастролировало десять коллективов с этим названием. На гитарах тех «музы-

кантов», случалось, не было струн, а их вокальные данные организаторов концертов вообще не интересовали. Это был чисто коммерческий ход.

В нашем документе есть пункт, предусматривающий разрешение на работу с фонограммой исполнителя, пропагандирующего свое творчество. Кроме того, есть ситуации, когда наличие фонограммы просто необходимо. Это съемки на телевидении или сборные концерты, где один исполнитель выступает за другим, и просто нет возможности настраивать инструменты. Но я глубоко убежден, что не один уважающий себя артист не позволит заменить свой живой голос техническими ухищрениями. Поэтому я — за комбинированный подход и за разумное использование всего арсенала технических и музыкальных средств.

Я думаю, что даже самые ярые «борцы» с фонограммой согласятся со мной в том, что на стадионе или площади, где исполнителя еле видно и плохо слышно, фонограмма просто является палочкой-выручалочкой.

Но вернемся к нашим «Самоцветным историям». Последние гастрольные концерты, известные под названием «зеленых», на которых музыканты обычно разыгрывают друг друга, мне как руководителю всегда сулили много хлопот, и я, честно признаюсь, побаивался этого страшного дня.

Обычно «зеленые» розыгрыши устраивались в городах, где мы давали много концертов, по 10 — 12. Вот в таких ситуациях последний концерт и превращался в «зеленый». Надо сказать, что ребята так разыгрывались, что я каждый раз ожидал срыва концерта. Вокал-то живой, а когда человек трясется от смеха, то, естественно, ни петь, ни трубить, ни просто достойно вести себя на сцене он не может. Я в этом никогда не участвовал, но мои музыканты — чего они только не придумывали! С костюмами происходили разные чудеса. Выступали мы в разных костюмах: отработав первое отделение, музыканты отправлялись в буфет, потом, пе-

реодевшись, шли на сцену. И вот за две минуты до выхода кто-то обнаруживал, что у него к карманам брюк пришиты мешочки с песком или штанины сшиты так, что брюки невозможно надеть. Я уж не говорю о том, что от барабанщика прятали палочки, гитаристу расстраивали струны — он начинал играть и не мог понять, в какой он тональности.

И еще очень им нравилось во время выступления «организовать» за кулисами какой-нибудь шум: скажем, звучит лирическая песня, зал затаил дыхание, и вдруг — бух! — за кулисами грохает ведро. Или во время исполнения серьезной песни какой-нибудь «мим» за кулисами такое демонстрирует, что удержаться от смеха просто невозможно. Конечно, я как мог, старался, чтобы мы все выглядели достойно, но уничтожить «зеленые» концерты не мог — я был за дисциплину, за творческую состоятельность, но деспотом



Ирина Шачнева, Валентин Дьяконов, Юрий Маликов. 1998 год

никогда не являлся. К тому же мы все были одного возраста, и я знал, что в командных приказах нельзя перегибать палку. Я мог перестроить программу, проявить определенную жесткость в отношении исполнителей, которые не тянули творчески или позволяли себе дружить с зеленым змием. Но бороться административными мерами с розыгрышами — это нонсенс.

Я всегда радел за строжайшую дисциплину, мы переезжали постоянно с места на место, и от каждого члена нашего «экипажа» требовалась большая организованность. Анархия, как известно, всегда приводит к печальным результатам. Оглядываясь назад, я могу сказать, что почти все «самоцветы» всегда вели себя достойно.

Произошел, правда, у нас один конфликт в 1975 году. Я уже поминал о нем, но до сих пор обида за то, что тогда произошло, нет-нет, да и высунет голову, мол, не забывай, я в твоей жизни была... Тогда от меня ушли те, на кого я надеялся, кого сам набирал в создаваемый мною ансамбль. Им не нравилась строгая дисциплина, и они рванули искать свободу.

Все началось, казалось бы, с пустяка: на концерт не приехал Валентин Дьяконов, я его отчитал, нашлись защитники — слово за слово, вышел громкий разговор, и в результате мои первые «самоцветы», выстрадавшие единомышленники, ушли от меня и создали свой ансамбль «Пламя». «Пламя», как и многие другие, «догорело» в девяностые годы — время такое было, нацеленное на утраты. Когда они уходили, наверное, думали, что я требую от них дисциплины для своего личного комфорта. Им и в голову не приходило, что это был единственный в то время способ выжить и получить право творить. Это сегодня, когда страна живет в других экономических и политических условиях, исполнители могут диктовать свои требования принимающей стороне: жить только в пятизвездочных отелях, охрана не менее двадцати накачанных парней и лимузин, чтобы в нем можно было играть в теннис.

А что можно было требовать музыканту в наше советское время? Ни-че-го. Это как в известном анекдоте про Большой театр, на сцене которого в одно время пели два лучших тенора мира — С. Лемешев и И. Козловский. Однажды Козловский приходит в театр, а новый вахтер его не пускает, требует удостоверение. Тот говорит: «Я — Козловский!». А вахтер ему отвечает: «Да хоть сам Лемешев! Предъявите удостоверение». Так и мы — кто такой был музыкант в СССР? Ноль без палочки.

Так что за дисциплину я боролся для всеобщей пользы. А тогда очень обиделся. Конечно, с годами все как-то устаканилось. С Валея Дьяконовым мы потом много работали, он очень крепкий ансамблевый вокалист, а с сольной карьерой у него не очень получилось. Сейчас он в «Самоцветах» эпизодически занимается аранжировочной деятельностью.

На этом сюжете я и хочу закончить свое повествование. У «Самоцветов» много хороших песен, и я старался им соответствовать в своей книге. На ее страницах теперь отражено «все, что в жизни есть у меня; все, в чем радость каждого дня». А когда стал перечитывать, понял, что когда ансамбль иногда поет «Мечты сбываются», это точно обо мне. Конечно, планов у меня и сейчас громадьё, но уже свершенным можно по праву гордиться и считать себя счастливым: я мечтал учиться в консерватории и учился, я создал «Самоцветы», и они стали не только одним из самых популярных ансамблей, но и школой для многих талантливых людей. Я влюбился в Люсю, и эта удивительная женщина все годы рядом со мной, я — отец Димы и Инны и уверен в творческой и человеческой состоятельности моих детей. Я очень хотел внуков, и у меня есть мои ангелы — Стефания и Димочка.

Внуки — это что-то уникальное. Что значат внуки, может понять только тот, кто их имеет. Есть известная пословица: дети — до венца, а внуки — до конца. Дедушка и бабушка,

как правило, «растворяются» в своих внуках, и нет ничего, что они не могли бы для них сделать. Внуки — это моя жизнь, мое счастье, и я очень хочу, чтобы они это знали.

Выбор профессии музыканта не бывает случайно — она требует слишком многого: невероятного трудолюбия и Божьего дара. Я стал музыкантом. В детстве у меня была мечта выйти на футбольное поле и забить мяч в ворота, которые защищает профессиональный вратарь. И это произошло! Уже будучи взрослым, на стадионе «Динамо» я забил одиннадцатиметровый в ворота, где стоял ученик самого Льва Яшина — Володя Пильгуй!

А каким праздником стал для меня 35-летний юбилей моего ВИА «Самоцветы» на сцене Кремлевского дворца! Что еще человеку надо, чтобы чувствовать себя счастливым?

Оглядываясь на свой жизненный путь, я иногда задаю себе вопрос: а что бы я хотел изменить в своей жизни?

Думаю, надо было чаще видеться с родителями. Они жили в Чехове, я — в Москве. Я всегда старался помочь им, но надо было сделать все, чтобы они были рядом, а я не успел. Мы всегда вспоминаем о родителях с укором в свой адрес.

Вот, пожалуй, единственное, чтобы я изменил. А все остальное сложилось так, как мечталось...

*Когда-то великая Марлен
Дитрих сказала: «Счастье,
в конце концов, приходит
к усердным». Она, точно,
имела в виду меня.*

